

RU

Коммуникативное поведение и дискурс-культура в интеракционном аспекте: русский и французский языки

Седых А. П., Бузинова Л. М., Акимова Э. Н.

Аннотация. Цель исследования – выявить субстанциональные свойства коммуникативного поведения в контексте функционирования дискурсной культуры в русском и французском языках. Рассматриваются различия и сходства в том, как носители русского и французского языков используют свой язык для взаимодействия и передачи культурных норм. В основе методологии исследования лежит сравнительный и прагматический подход, анализ корпусов повседневных текстов, медийного дискурса и стенограмм реальных разговоров (на французском и русском языках). Научная новизна работы заключается главным образом в переходе от строго лингвистического подхода (с акцентом на грамматику и лексику) к комплексному и интеракционно-сопоставительному подходу. Элементами новизны обладают прагматический и невербальный аспекты исследования в русле выделения специфических дискурсных маркеров, а также контрастивного сопоставления кодов невербальных взаимодействий и конфессиональных основ коммуникативного поведения, характерных для каждой культуры. Ключевые эпистемологические позиции работы выстраиваются в русле анализа категории «лингвистические универсалии» в синергии с понятием «этнокультурные особенности». Полученные результаты очерчивают новые перспективы в понимании межкультурных механизмов общения, прагматико-семиологического аспекта интерпретации данных и посткоммуникативной лингводидактики, а также открывают новые эпистемологические горизонты для исследования национальных менталитетов и дискурсологических картин мира.

EN

Communicative behavior and discourse culture in the interactional aspect: Russian and French languages

A. P. Sedykh, L. M. Buzinova, E. N. Akimova

Abstract. The aim of the research is to identify the substantial properties of communicative behavior in the context of the functioning of discourse culture in the Russian and French languages. The differences and similarities in how native speakers of Russian and French use their language for interaction and the transmission of cultural norms are considered. The research methodology is based on a comparative and pragmatic approach, the analysis of corpora of everyday texts, media discourse, and transcripts of real conversations (in French and Russian). The scientific novelty of the work lies primarily in the transition from a strictly linguistic approach (with an emphasis on grammar and vocabulary) to a comprehensive and interactional-comparative approach. Elements of novelty are found in the pragmatic and non-verbal aspects of the study in terms of identifying specific discourse markers, as well as a contrastive comparison of non-verbal interaction codes and the confessional foundations of communicative behavior characteristic of each culture. The key epistemological positions of the work are developed within the framework of analyzing the category of "linguistic universals" in synergy with the concept of "ethno-cultural features". The results obtained outline new perspectives in understanding intercultural communication mechanisms, the pragmatic-semiological aspect of data interpretation, and post-communicative linguodidactics, as well as open new epistemological horizons for the study of national mentalities and discoursological worldviews.

Введение

Актуальность изучения моделей коммуникативного поведения в рамках русской и французской дискурс-культур обусловлена необходимостью выявления лежащих в их основе исторически сложившихся систем ценностей, а также востребованности в научном сообществе результатов дешифровки скрытых культурных смыслов, ведущих к лимитированию межкультурных недоразумений и обогащению теории языка и коммуникации.

Каждая культура обладает не только уникальными концептами (часто непереводаемыми на язык другой культуры понятиями), но и специфической дискурс-культурой, отражающей элементы этноэмической истории развития нации и специфические ценности. Металексикультурный корпус, основы которого закладываются в исследовании, позволит актуализировать структуру «фильтров», то есть когнитивных и лингвистических механизмов, которые приводят к тому, что одно и то же событие воспринимается и выражается по-разному в зависимости от языка, который функционирует в корреляции с дискурс-культурой.

Для выявления особенностей коммуникации в русской и французской дискурс-культурах решаются такие задачи, как:

- анализ элементов устного этикета через изучение формул вежливости, использование местоимений (в неформальном и формальном обращении) и ритуалов приветствия;
- оценка уровня эмоциональной выразительности дискурс-культур посредством контрастивного сопоставления русской коммуникации с французскими национальными традициями общения;
- наблюдение за фрагментами невербальной коммуникации: жестами, межличностным пространством (проксемика) и зрительным контактом, которые различаются в зависимости от культуры;
- уточнение ряда параметров философского и религиозного фундамента коммуникации в рассматриваемых дискурс-культурах.

Изучение коммуникативного поведения и дискурсной культуры опирается на междисциплинарный подход, который исследует не только структуру текстов, но и социальные, исторические и культурные условия их создания. К основным методам относим дискурсный анализ, этнографические параметры коммуникации, анализ межперсонального взаимодействия и элементов интеракциональной прагматики. Дискурсный анализ исследует, как язык используется в реальных жизненных контекстах для передачи смысла и формирования социальных реалий, а также позволяет деконструировать структуру, содержание и идеологические или институциональные эффекты высказывания. Конверсационный и интерактивный метод фокусируется на динамике устного обмена репликами в реальном времени, исследуя смену реплик, механизмы переформирования и то, как собеседники согласовывают смысл и поддерживают социальную связь.

В исследовательские материалы входят примеры речевых эпизодов, взятые из двуязычных корпусов национальных языков, интерактивных энциклопедий, учебников, пояснительных словарей и тезаурусов, а также из авторской картотеки, сформированной из высказываний русскоязычных и франкоязычных носителей.

Традиционная дискурсная культура отличается сильной зависимостью от контекста, строгим соблюдением социальных иерархий, привилегированной устной передачей и частым использованием ритуальных формул или пословиц. Она ставит во главу угла групповую сплоченность и коллективную память, а не индивидуальное самовыражение. При этом общение в основном базируется на устной речи, что способствует передаче знаний, мифов и ценностей из поколения в поколение. Смысл высказывания не только заключается в произнесенных словах, но и в значительной степени зависит от общего культурного контекста, жестов, молчания и статуса собеседников. Как правило, цель традиционно понимаемого дискурса – поддержание социальной гармонии, мирное разрешение конфликтов или укрепление групповой идентичности, а не выражение сугубо личного или отличающегося от общепринятого мнения.

Вместе с тем, современная дискурс-культура не может не черпать новые ресурсы из классических парадигм теории и практики коммуникации. Три классических рычага – этос (доверие к оратору), пафос (эмоция, вызываемая у аудитории) и логос (рациональность сообщения) – не могут быть сброшены со счетов, в частности на уровне способов определения как стратегий инфлюенс-маркетинга, так и идеологических дебатов в социальных сетях. Современные нарративы, высоко ценимые в цифровой коммуникации, напрямую опираются на классические приемы драматургии и ораторского искусства, чтобы сделать сообщения запоминающимися и убедительными. Вдохновленная философскими диалогами и теорией коммуникативного действия, современная дискурсная культура часто стремится установить традиционно устоявшиеся правила подтверждения и взаимопонимания в публичном пространстве, перенасыщенном информацией.

Дискурс, как многослойный речевой феномен культуры – это не просто инструмент коммуникации, а динамичное пространство, где конструируются, обсуждаются и трансформируются современные смыслы и экзистенциальные реалии. Как объект исследования, он находится на стыке лингвистики, социологии, философии и коммуникационных исследований и, несмотря на пристальное внимание ученых, остается недостаточно изученным (Гак, 2020; Cardon, Granjon, 2010; Kerbrat-Orecchioni, 2005; Krieg-Planque, 2006; Kristeva, 2000). В этом контексте работа творчески развивает позиции таких учений, как дискурсология коммуникации (Charaudeau, 2009; Hagège, 2019), лингвоидентичность и интеракциональная коммуникация (Puren, 2002; Wierzbicka, 2021).

Теоретической базой исследования послужили труды И. А. Стернина (2008), В. И. Карасика (2025), К. Кребрат-Орекьони (Kerbrat-Orecchioni, 1980; 2005), посвященные изучению особенностей интерпретации речевых актов через призму коммуникативного поведения. При этом учитывались концепции Ж. Прюво (Pruvost, 2005), Ю. Кристевой (Kristeva, 2000) и Р. Якобсона (1985), отражающие аспекты лексикокультурного и метариторического описания семиологических систем национальных языков.

Теоретическая значимость работы заключается в концептуальном моделировании сложных механизмов взаимодействия языка, мышления и общества. Это позволяет расширить представления о том, как индивиды конструируют смысл, выстраивают социальные отношения и передают культурные ценности, внося тем самым вклад в разработку положений новой эмической дискурсологии.

Результаты проведенного исследования найдут практическое применение не только в процессе изучения и преподавания гуманитарных дисциплин, но и в совершенствовании межличностных коммуникативных

практик, дискурс-дипломатии, этической селекции стратегий управления бизнесом, а также в разработке посткоммуникативных технологий искусственного интеллекта.

Обсуждение и результаты

В российской и французской коммуникационных культурах наблюдаются удивительные контрасты. В то время как во французской коммуникации приоритет отдается форме, социальной дипломатии и построению контекста с помощью стандартизированных формул, в российской культуре ценятся подлинность, глубина отношений и прямое выражение чувств, даже если прямота высказываний иногда кажется иностранцам резкой, даже агрессивной (Седых, Акимова, Машкова, 2026).

Контрастивный анализ коммуникативного поведения представителей двух дискурс-культур позволяет выявить основные структурные и семиологические различия, в частности на уровне следующих социокодовых маркеров двух этнокультур:

1. Вежливость и формы обращения.
2. Искренность и дискурс-дипломатия.
3. Специфика невербального языка.
4. Аберрантные формулировки и модели поведения.

Рассмотрим каждую из позиций дискурсно-коммуникативного поведения носителей русского и французского языков.

Вежливость и формы обращения

По мнению многих исследователей, французская вежливость основана на формальном социальном ритуале, со стандартизированными формулами обращения, применяемыми во многих повседневных ситуациях. Использование “*vous*” (формального «вы») строго структурировано. Русская вежливость менее ориентирована на установленные формулы. Она широко использует богатый словарный запас (суффиксы, префиксы) и систему имен с отчествами для модулирования степени привязанности или дистанции (Веденина, 2020; Гак, 2020; Pruvost, 2005).

Прежде всего русская и французская системы обращения принципиально различаются по механизмам вежливости. Французский язык основан на строгой бинарности, тогда как русский использует очень тонкую тернарную систему, сочетающую имя, фамилию и отчество для выражения различной степени уважения.

Французская дискурс-культура колеблется между фамильярностью и формальной дистанцией. В русской коммуникации промежуточное положение между формальным обращением и прямой неформальностью занимает обязательное использование имени (имя с последующим отчеством). Так, во французском языке к человеку обращаются по титулу и фамилии (например, *Monsieur Martin* = месье Мартен), чтобы подчеркнуть формальность, или по имени (например, *Hélène* = Элен), чтобы подчеркнуть близость. В русском языке стандартной формой обращения к коллеге, преподавателю или знакомому является формула «Имя + Отчество» (например, Елена Петровна). Использование только имени зарезервировано для близких друзей и родственников, в то время как одна только фамилия воспринимается как слишком резкое или бюрократическое обращение.

В русской вежливости широко используются морфологические приемы (уменьшительные формы, приставки) для смягчения отношений, в то время как французская вежливость, как правило, опирается на институциональные стереотипные формулы и сложные грамматические конструкции для поддержания кодифицированной социальной дистанции.

В русском языке распространена система уменьшительных суффиксов и префиксов для выражения сочувствия, близости или смягчения просьбы. К близкому другу или родственнику редко обращаются по полному имени. Имя изменяется в зависимости от степени привязанности: *Наташа* становится *Наташечка*; *Наташенька*; *Натулечка*; *Натуся* при сильной привязанности; *Саша* становится *Сашечка*; *Сашенька*; *Сашуля*; *Санек*.

Характерным элементом русской дискурс-культуры выступает прием смягчения обращения при помощи суффиксов, когда для того, чтобы попросить об услуге, символически уменьшают важность просьбы или неудобства, которые она вызывает, тем самым «амортизируя» ее воздействие: *Вопрос* становится *Вопросиком*, *Чашка* – *Чашечкой*, а *Стакан* – *Стаканчиком* и пр. Русский выбор дискурсной реакции на благодарность также отличается своей спецификой, когда в ответ на «спасибо» используется слово, буквально означающее «ничтожность действия», чтобы преуменьшить оказанную услугу и участие: «Ничего» или «Не за что» = отсутствие причины, за которую надо благодарить.

Французский язык, унаследованный от традиций придворной учтивости, характеризуется множеством ритуализированных выражений, устоявшимися эпистолярными формулами и тщательным использованием условного наклонения (Sedykh, 2021). К ним относятся формулировки заключительного приветствия и сопутствующие вежливые выражения. Так, французский письменный дискурс и электронные сообщения заканчиваются стереотипными фразами, содержание которых строго адаптировано к статусу получателя, иногда без какой-либо реальной эмоциональной вовлеченности: “*Je vous prie d’agréer, Monsieur, l’expression de mes salutations distinguées*” (букв. ‘Примите, Господин, выражение моих изысканных приветствий’); “*Dans l’attente de votre retour, veuillez agréer, Madame, Monsieur, l’expression de mes sentiments les meilleurs*” (букв. ‘В ожидании вашего ответа, примите, Госпожа/Господин, выражение моих наилучших чувств’) (здесь и далее перевод выполнен авторами статьи. – А. С., Л. Б., Э. Н.) (BU).

Частотным во французском куртуазном дискурсе является использование отрицательных вопросов или условного наклонения, когда чтобы смягчить просьбу, франкофон не меняет само слово, а использует устоявшиеся и грамматически косвенные вежливые выражения: “*Ne pourriez-vous me passer le sel?*” (букв. ‘Не смогли бы вы мне передать соль?’); “*Voudriez-vous m’aider à faire cet exposé?*” (букв. ‘Могли бы вы помочь мне с этой презентацией?’). Отметим также использование второго лица множественного числа (“*vous*”) для одного человека, что является классическим институциональным маркером дистанции и уважения (ФП).

В России до сих пор можно услышать такие выражения, как «Чувак!», «Дружище!», «Женщина!», что говорит о специфике коммуникативного поведения и дискурс-культуре русских. Дело в том, что русский язык глубоко отражает социальные структуры и гендерные отношения. Эти разговорные термины наглядно демонстрируют, как современное российское общество использует язык для классификации и определения людей по полу, возрасту и статусу.

Представим краткий анализ указанных повседневных русских обращений:

- Чувак (фр. “*Mec*”)

Используется для неформального обращения к мужчине, оставаясь и сегодня достаточно распространенным явлением, обладая дополнительными коннотациями, связанными с мужской солидарностью. Кстати, этот термин, пришедший из сленга, имеет прямой французский эквивалент, указанный выше.

- Брат / Друг; Дружище (фр. “*Pote*”)

Использование гипокористических суффиксов или однокоренных выражений «как брат», «по-братски» повсеместно встречается при обращении к близким друзьям (часто и к подругам). Это свидетельствует о менталитете русских, в рамках которого братство и доверие занимают центральное место в межличностных отношениях.

- Женщина

В отличие от французского языка, где обращение «мадам» является нейтральным и вежливым, обращение к незнакомке как «женщина» на улице в России очень распространено, но часто воспринимается как невежливое и просторечное. По мнению экспертов по этикету и психологов, этот номинант редуцирует экзистенцию личности к полу и возрасту, стирая социальные различия и необходимость применения вежливых форм коммуникации (Стернин, 1994). Русские женщины, как правило, предпочитают обращение «девушка» для поддержания позитивного образа молодости.

В России кодекс вежливости предпочтительно базируется на отсутствии институционализированных форм обращения (таких как «господин» или «мадам») в общественных местах, уступая место обозначениям, основанным на поле и возрасте. Во избежание неловких ситуаций, использование фамилии остается преференциальной формой вежливости в профессиональной среде. Во Франции кодекс вежливости основан на приоритете уважения, взаимности и социального статуса. Исторически он уходит корнями в этикет королевского двора XVII века и опирается на кодификацию ритуалов и языка (DD).

Искренность и дискурс-дипломатия

Во Франции дискурсная интеракция в любом формате часто воспринимается как искусство. Критика высказывается «тактично (непрямая коммуникация), а светская беседа является важной социальной нормой для поддержания связей» (CorpusEye). Многие французы, как исследователи, так и обычные граждане, считают, что общение – это вопрос стиля. Ораторское искусство и искусство дебатов высоко ценятся и часто рассматриваются как отражение критического мышления. Для лучшего понимания французской дискурс-культурной динамики репрезентируем ее с помощью нескольких ключевых принципов, выделенных на основе долговременного общения с представителями франкоязычного мира:

- *Диалектика как упражнение*

Столкновение идей для французов – это интеллектуальный спорт. Они получают удовольствие от дебатов, противоречий и споров ради удовольствия от обмена мнениями, не воспринимая это обязательно как агрессию.

- *Тактичность и неясность*

Прямой критики французы часто избегают в пользу более косвенной коммуникации. Использование окольных путей, мягкой иронии или намеков позволяет выразить несогласие, не обидев собеседника.

- *Фатическая коммуникация и социальная связь*

Непринужденные разговоры (обсуждение погоды, еды, текущих событий) не считаются просто «шумом». Они служат для поддержания социальных связей и создания атмосферы доверия перед обсуждением более личных или серьезных тем.

Фатическая коммуникация – это вербальный обмен, не передающий важной информации, но служащий для установления, поддержания или продления социальных связей. Эти языковые ритуалы необходимы для создания атмосферы доверия перед обсуждением более серьезных или личных тем. Во Франции подобные фатические акты различаются в зависимости от ситуации и ритуалов. Так, следующие приветствия и стандарты начала разговора незаменимы для начала повседневного общения в теплой дружеской манере: “*Bonjour, comment allez-vous?*” (Здравствуйте, как дела?), или “*Ça va?*” (Как вы?). Ожидаемый ответ часто – простое “*Très bien, et vous?*” (Очень хорошо, а у вас?), не вдаваясь в подробности. Фраза “*Salut, quoi de neuf?*” (Привет, что нового?) используется в более непринужденной или дружелюбной обстановке, также не требует

детальной реакции от собеседника. Распространенное телефонное высказывание “*Allô, tu m'entends bien?*” (Алло, меня хорошо слышно?) – типичный пример для проверки корректного функционирования канала коммуникации, по мнению лингвиста Романа Якобсона (1985).

Следующие комментарии об окружающей обстановке и повседневной жизни, часто называемые по-французски “*rapotages*” или “*parlotte mondaine*” (светской болтовней), относятся к знаменитым «мелочам», которые помогают растопить лед: “*Quel temps pourri!*” (Какая ужасная погода!) или “*Il fait un temps magnifique aujourd'hui*” (Сегодня прекрасный день): погода – одна из самых типичных французских фатических тем; “*Le trafic est dense ce matin*” (Сегодня утром пробки) или “*Le train a encore du retard*” (Поезд снова опаздывает).

Приведем метадискурсные высказывания регулирования и подтверждения «нормального» функционирования коммуникации, при помощи которых французы во время устного общения часто мониторят внимание собеседника и поддерживают связность разговора: “*Tu vois ce que je veux dire?*” (Ты понимаешь, что я имею в виду?) или “*Vous me suivez?*” (Вы меня понимаете? Вы слушаете? Вы здесь?); “*N'est-ce pas?*” (Верно? Не так ли?) или “*Tu sais...*” (Знаешь...). Сюда отнесем кивки головой, сопровождаемые разговорно-просторечными междометиями “*Hm-hm*” (Хм-хм); “*Bah, voilà*” (Ну вот видишь ...); “*Bon, ben*” (Ладно, что ж ...) или многозначными предложениями типа “*D'accord*” (Хорошо; Добро; Разумеется и пр.); “*Dak*” (лады; океюшки; заметано ...), и завершающие ритуалы, которые позволяют плавно закончить разговор, не создавая резкого перерыва: “*Bon, on se tient au courant!*” (Что ж, давай будем на связи!), “*Allez, bonne journée et à très vite!*” (Что ж, хорошего дня и до скорой встречи!).

Вышеупомянутые выражения уходят корнями в культурные коды взаимодействия, регулируются множеством ситуаций и теоретически рассматриваются как столпы межличностных отношений во Франции.

В России искренность имеет приоритет над простыми социальными любезностями. Русскоязычные, как правило, более прямолинейны. Вопросы, касающиеся мнения или благополучия, могут привести к глубоким философским дискуссиям, а не к поверхностному обмену мнениями. Открытая критика или прямая обратная связь воспринимаются как свидетельство честности и подлинности, а не как агрессия. Как только преодолевается первоначальная сдержанность, разговоры с близкими быстро перерастают в экзистенциальные дебаты о жизни, морали или эмоциях. Compliments даются редко и имеют реальную ценность. Если кто-то говорит вам, что вы выглядите уставшим или что ваша одежда неуместна, это обычно выражение искренней заботы и честности.

Дипломатия и откровенность приобретают различную динамику в зависимости от культурной перспективы. В то время как Франция предпочитает формальный и институционализированный компромисс, Россия опирается на более прямой, часто асимметричный подход, связанный с динамикой власти. Этот контраст особенно очевиден в дипломатии влияния и экономике. Так, французская дипломатия, отмеченная традицией универсализма и «диалога», опирается на вторую по величине дипломатическую сеть в мире (*France Diplomatie*). Столкнувшись с Москвой, Париж долгое время стремился поддерживать единый канал связи, оставаясь при этом интегрированным в рамки европейских санкций. Российская дипломатия в большей степени ориентирована на прагматизм и суверенитет и до сих пор делит геополитическую картину мира на «ближнее зарубежье» и «дальнее зарубежье». Российские каналы отдают предпочтение активным представителям для напористой коммуникации, а также развивают альтернативные сети влияния (например, ассоциация «Франко-российский диалог»).

В общих чертах французский подход к дискурсу-культуре «искренности» отличается высокой степенью кодифицированности, а искусство дебатов на всех уровнях социально-культурной интеракции выстраивается в четкую риторическую структуру в рамках дискуссии, «оснащенной» институциональной вежливостью. Свобода выражения мнений осуществляется посредством квазидемократических принципов через крупные СМИ. Российский подход выражается через традиционную этнокультурную откровенность (прямоту), где правда часто воспринимается как прямое раскрытие геополитических реалий или национальных интересов. Данный механизм активно используется на цифровых платформах, в частности – ВКонтакте. В этом плане российская институциональная дискурс-культура стремится к обходу западного влияния, укрепляя альтернативные альянсы (БРИКС, ШОС), основанные на суверенитете и неприятии вмешательства в традиционные и общественные ценности.

Дипломатическая интеракция является продолжением исторически сложившихся моделей национального коммуникативного поведения. Так, французская дипломатия, находящаяся под влиянием давней картезианской и универсалистской традиции, часто опирается на концептуальный подход, где риторика и грандиозные принципы (престиж, права) заменяют стратегическую реальность. Подобный «номинализм» выражается в идее, что присвоение или возведение принципа в ранг концепции практически равносильно его существованию в международных отношениях. Хотя французская дипломатия стремится к прагматизму (от Талейрана до де Голля), она иногда сталкивается с реальностью международной динамики сил, заставляя ее балансировать между защитой великих идеалов, заложенных в ее лексиконе, и реальными геостратегическими интересами (Cardon, Granjon, 2010).

Российская дипломатия в целом опирается на эссенциалистское мировоззрение, формирующее восприятие реальности и когнитивное противостояние для защиты бескомпромиссного суверенитета и особого цивилизационного подхода. Внешняя политика рассматривается как прямое расширение национальных интересов и внутреннего баланса государства, оправдывающее позицию силы по отношению к Западу. Начиная с советской эпохи и до наших дней, дипломатическая цель состоит в том, чтобы сформировать нарратив, чтобы побудить противника к действию, опираясь на инструменты рефрейминга и культурного влияния. Идеология часто служит рычагом прагматического реализма. Дипломатия организует инструментализацию религий и традиций для расширения геополитического влияния.

Специфика дискурс-культуры невербальной коммуникации

Невербальное поведение является неотъемлемой частью коммуникативного поведения у представителей русской и французской лингвокультуры.

Французы часто сопровождают свою речь жестами, и чрезмерно сдержанные жесты могут восприниматься как отсутствие заинтересованности темой или вовлеченности в общение. Во Франции коммуникация мультимодальна, активные жесты необходимы для расстановки акцентов в речи и демонстрации ангажированности собеседника. Специфические движения, такие как жест «дирижер» или «рубка» внешней стороной ладони, а также движение «потирание рук», иллюстрируют нюансы социального взаимодействия, от убежденности до деликатности. Французские жесты неотделимы от дискурс-культуры и часто дополняют вербальное сообщение. Ключевые национальные жесты включают в себя следующие:

- «Пожимание плечами» (*haussement d'épaules*), которое часто сопровождается надутыми губами. Жест указывает на незнание, недоверие или полное безразличие к ситуации.

- «Это вкусно» или «Это мило» (*C'est délicieux; C'est mignon*): большой и указательный пальцы сложены в круг (остальные пальцы разведены), приложены к щеке, совершая небольшое вращательное движение, при этом человек улыбается.

- «Постукивание по виску» (*tapotement de la tempe*) выполняется указательным пальцем и означает, что человек перед вами «сумасшедший» или что идея глупая.

- «Знак денег» (*signe de l'argent*): потирание кончиком большого пальца указательного и среднего пальцев, имитируя жест подсчета монет.

- Знак «Мой глаз!» (*Mon œil!*) используется для выражения недоверия, означая «Я тебе совсем не верю ...».

- «Поцелуй» (*Bisou; Bise*): важный приветственный жест во Франции. Щеки последовательно соприкасаются (часто от двух до четырех раз в зависимости от региона), имитируя звук поцелуя (Kerbrat-Orecchioni, 2005).

- «Крестное знамение»: крестное знамение французов слева направо – это католическое исповедание веры, символизирующее переход от тьмы к свету и спасению. Это жест, призывающий к Троице и напоминающий о жертве Христа. Католическое крестное знамение совершается правой рукой, часто открытой (пять пальцев представляют пять ран Христа), при произнесении слов «Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, Аминь»:

1. Лоб: «Во имя Отца» (*Au nom du Père*) представляет собой место разума и творения.

2. Грудь: «и Сына» (*et du Fils*) символизирует сердце, воплощение и центр эмоций.

3. Левое плечо: «и Святого Духа» (*et du Saint-Esprit*). Левая сторона представляет сердце, любовь и милосердие.

4. Правое плечо: «Аминь» (*Amen*). Заканчиваясь вправо, крестное знаменем символизирует силу, воскресение и пребывание по правую руку Бога на Страшном Суде (EUFr).

Носители русского языка используют более размеренные жесты, локализующиеся часто ближе к телу, акцентирующие внимание в основном на ключевых моментах мысли. При слушании собеседника кивки головы менее автоматические: слушатель сосредотачивается на устойчивом внимании, выражая согласие короткими паузами и прямым зрительным контактом, а не непрерывными одобрениями. В общих чертах невербальное общение в России отличается несколькими специфическими аспектами:

- Иллюстративные и вербальные жесты: движения рук, как правило, более жесткие и ближе к туловищу. Носитель русского языка использует руки, чтобы подчеркнуть важную логическую связь или противоречие, а не для сопровождения естественного ритма речи.

- Сигналы слушания (обратная связь): во французской культуре звуки «да», кивки и улыбки являются непрерывными выражениями одобрения, призванными воодушевить говорящего. В России слушание гораздо более сдержанное: продолжительное молчание и устойчивый зрительный контакт не означают безразличия, а отражают уважение и полное внимание к сообщению.

- Значение кивков: в России кивок может просто означать «Я слушаю» или «Я понимаю», не обязательно подтверждая или одобряя только что сказанное, что иногда является источником межкультурного недопонимания.

Русские жесты богаты и часто кодифицированы, используются для поддержки вербального выражения, ведения переговоров или подчеркивания социальных моментов. Они отражают выразительную, теплую культуру, но глубоко привязанную к традициям.

К ключевым национальным движениям можно отнести следующие жесты:

- «Уверенность» (кончиками пальцев): постучать указательным пальцем по носу. Используется в дискуссиях, чтобы подчеркнуть, что человек обладает инсайдерской информацией или «вынюхал» выгодную сделку.

- «Размышление»: почесывание затылка. Это движение позволяет сделать паузу перед ответом на сложный вопрос или выразить замешательство.

- «Приглашение выпить»: легкое постукивание указательным пальцем по шее. Это символический жест, означающий «давайте выпьем» или указывающий на то, что кто-то уже выпил алкоголь.

- «Категорический отказ» (прост. «фиг»): сжатый кулак, зажав большой палец между указательным и средним пальцами. Этот знакомый жест, эквивалентный французским сленговым *"niet"* (нет) или *"walou"* (ноль; пустышка; порожняк), означает, что адресат абсолютно ничего не получит.

- «Рукопожатие как символ искренности»: в России принято крепко и прямо здороваться за руку. Во время знакомства россияне также поддерживают длительный зрительный контакт.

- «Крестное знамение»: в русской православной традиции крестное знамение справа налево символизирует переход от тьмы к свету, при этом правая сторона представляет *спасение в Боге*, а левая – *погибель и грех*. Православные русские соединяют первые три пальца (большой, указательный и средний), символизируя Святую Троицу, а два других пальца складываются к ладони, представляя две природы Христа (человеческую и божественную). Двигаясь сначала вправо, верующий просит Бога поместить его среди избранных (овец), что традиционно ассоциируется с правой рукой на Страшном суде.

Аберрантные формулировки и модели поведения

Французы широко используют вежливые выражения для смягчения общения, что часто приводит в замешательство русофонов. В русском языке вежливость меньше опирается на стандартизированные фразы и выражается преимущественно другими способами (использование имени и отчества, четкая дифференциация обращений на «ты» и «вы» и пр.), что отражает дискурс-культурные различия между двумя социумами.

Начнем с перечисления и экспликации французских формулировок, которые могут сбить с толку русских, не говорящих по-французски, и объяснения почему:

- “*Excusez-moi / Pardon*” (Извините меня / Простите)

Почему: во Франции извинения – это социальный рефлекс, смягчающий общение на публике (толкнуть кого-то, спросить дорогу). В России выражение «извините» используется только в ситуациях, когда человек действительно неправ. Его использование без разбора звучит неискренне или предполагает слабость для русского.

- “*Je vous en prie / Avec plaisir / C’est tout naturel*” (букв. ‘Прошу вас’ / ‘С удовольствием’ / ‘Это вполне естественно’) (FranText)

Почему: в отличие от французов, которые адаптируют свой словарный запас для ответа на благодарность (например, говорят “*je vous en prie*” или “*c’est tout naturel*”), русские очень часто используют одно и то же слово, «пожалуйста», просто модулируя интонацию и громкость, чтобы выразить нюанс.

- Повсеместное использование “*S’il vous plaît*” (Пожалуйста)

Почему: во французском языке это слово встречается практически в каждой просьбе, а также для привлечения внимания. В русском языке требование чего-либо твердым, но прямым тоном гораздо более социально приемлемо. Если оно используется, то, как правило, для более формальной просьбы.

- Эпистолярная дискурс-культура

Почему: французская письменная вежливость, например фразы типа “*Dans l’attente de votre retour, je vous prie d’agréer, Monsieur <...> l’expression de mes salutations distinguées*” (букв. ‘В ожидании вашего ответа, прошу принять, господин <...>, мои изысканные приветствия’), чрезвычайно кодифицирована. Русские привыкли к гораздо более прямому и лаконичному общению.

Культурные коды, на которые опирается поведенческая схема и которые следует учитывать:

- Искренность улыбки: в России улыбка отражает тесную связь. Она как правило не используется как универсальная вежливость в магазинах или с незнакомыми людьми.

- Использование неформальной формы «ты»: во французском языке переход на «ты» – это процесс, который инициируется и в конечном итоге достигает своей цели. В России же достаточно просто быть одного возраста или работать в одном коллективе, чтобы использовать имена и обращаться к кому-либо неформально без каких-либо проблем.

Русские правила вежливости также часто сбивают с толку французов из-за существенных культурных различий: русский язык использует меньше искусственных, стереотипных формул, чем французский,лагается на нюансы фамильярности и выражает уважение лексемами, указывающими на здоровье или разрешение, а не просто словами «пожалуйста» или «спасибо».

Приведем некоторые дискурсивные элементы, которые иллюстрируют и объясняют вышеуказанные языковые и этнокультурные различия:

1. Вводящие в заблуждение этимологические корни:

- «На здоровье»: многие во Франции считают это выражение классически краткой застольной речью. На самом деле русский универсальный тост звучит так: «За ваше здоровье / Ваше здоровье / Будем здоровы / Будь здоров». Формулировка «На здоровье» чаще используется как «Пожалуйста / Приятного аппетита», когда благодарят кого-то после еды.

- Духовная благодарность: классическое слово для благодарности, «Спасибо», этимологически происходит от «Спаси Бог», что буквально означает «Да спасет тебя Бог». Это гораздо более глубокое и осмысленное выражение благодарности, чем французское “*Merci*”. Особого внимания заслуживает то факт, что французское слово “*merci*” происходит от латинского слова *merces* (винительный падеж *mercedem*), которое первоначально означало «зарплата», «цена» или «награда». С 9-го века это слово появляется в форме “*mercit*”. Тогда оно приобретает значение «жалость», «благодать» или «милосердие». Сказать «спасибо» в то время было равносильно просьбе к кому-либо о снисхождении или пощаде. Это породило такое французское выражение, как “*être à la merci de quelqu’un*” (быть в чьей-то милости), что означает быть полностью подвластным чьей-либо воле (TLFi). На протяжении веков значение слова “*merci*” расширилось и стало включать в себя понятие благосклонности или милости, в конечном итоге превратившись в вежливое выражение благодарности, которое французы, и не только они, используют сегодня.

2. Столкновение формулировок извинения:

- Сдержанность и оправдание: в русской культуре извиняться следует только в том случае, если действительно поступил неправильно. «Извините» означает «Мне очень жаль», но использование этого слова без разбора даже за такую простую вещь, как проход без очереди, будет воспринято как слабость или эксцентричность.

- Понятие прощения: для более серьезных извинений русские используют глагольную формулировку «Простите». Столкнувшись с повседневными трудностями, лучше всего успокоить человека словом «Ничего страшного», что может означать «Ничего серьезного не произошло» или «Это не имеет большого значения».

3. Просьба о разрешении на действие в общественном пространстве:

- Вездесущность слова «мочь»: обращением с указанным глаголом имеет фундаментальное значение. Оно означает «возможность действия» при помощи оборота «могу ли я? (пройти; купить; взять)». Чтобы пройти в автобус или попросить об услуге, русские используют это слово с добавлением вводного слова «Пожалуйста». В общественном транспорте во Франции чаще всего используется «волшебное» слово “*Pardon*”, так как для француза употребление глагола “*pouvoir*” (мочь) в функции просьбы о возможности перемещения в общественном месте представляется нецелесообразным.

- Соблюдение порядка: приближаясь к группе людей, стоящих в очереди в общественном месте, русский автоматически использует типичное выражение «Кто последний?» или употребит ненормативный многогранный маркер «крайний», указывающий на профессиональные дискурсные привычки, суеверия или речевую моду. Порядок в группе определяется этим простым ритуалом вежливости, автоматической реакцией, иногда ставящей в тупик французов, которые никогда не спрашивают разрешения занять место в очереди.

4. Вежливость через грамматику и суффиксы:

- Искусство уменьшительных форм: в русском языке вежливость часто выражается через морфолого-грамматические модификации языковых единиц. Чтобы смягчить просьбу, сделать обращение к имени ласковым или обратиться к кому-либо, русский широко использует префиксы и суффиксы, например, обращаясь к коллеге по имени с уменьшительной формой для проявления дружелюбия: Александр становится Сашей или даже Сашенькой, чтобы выразить еще большую мягкость. Для француза такие формы наименований являются абсолютно разными именами, а не гипокористическими дублетами, например, французский писатель **Alexandre Dumas** (Александр Дюма) и певец и композитор **Sacha Distel** (Саша Дистель) являются не тезками, а обладателями разных имен (DDL).

Итак, социокодовые маркеры двух этнокультур, такие как вежливость и учтивость, отношение к искренности и дискурсная интеракция, а также невербальный язык, являются неотъемлемой частью русской и французской дискурс-культур. Незнание законов и механизмов их функционирования в процессе общения может привести к межкультурным неудачам ввиду неверного истолкования формулировок и смысловой наполненности моделей коммуникативного поведения представителей рассматриваемых языковых сообществ.

Заключение

Основываясь на результатах многоуровневого описания и контрастивного анализа элементов коммуникации русофонов и франкофонов целесообразно заключить, что дискурсная культура рассматриваемых языковых сообществ обладает как отличительными, так сходными чертами, что обнаруживается на уровне следующих социолингвистических кодов и лингвокультурных концептов:

1. Экспрессивность vs рациональность

В русском общении в дискурсно-прагматических конструкциях превалируют экспрессивность, эмоциональная глубина и искренность. Для русофонов эмоции часто играют центральную роль в убеждении и аргументации. Французская дискурс-культура отдает предпочтение картезианской ясности, структурированной риторике (так называемому «диалектическому плану») и логике. Речевая коммуникация часто воспринимается французами как интеллектуальное упражнение.

2. Вежливость и социальная дистанция

К сходным признакам в обеих дискурс-культурах можно отнести существование четкого различия между неформальными и формальными формами обращения (*tu/vous* vs *ты/вы*) для обозначения социальной дистанции или профессиональной иерархии. Различия проявляются в том, что во французском дискурсе вежливость опирается на строго кодифицированные и стандартизированные формулы. В русском языке вежливость часто выражается через использование уменьшительных (гипокористических) форм или нюансов интонации для смягчения просьбы, а также посредством более быстрого перехода к неформальной форме «ты» после установления доверительных отношений.

3. Коллективизм vs универсализм

Русофонная коммуникация отражает сильное чувство общности и национальной культуры. Дискурсные высказывания часто вербализуют коммунитаристские ипостаси концептов «Бог» и «Душа», транслируют тесные межличностные связи и принадлежность к группе. Французская дискурс-культура, как правило, пронизана универсализмом, идеями эпохи Просвещения и республиканской традиции, стремящимися апеллировать к универсальному разуму и прагматической определенности.

4. Прямота vs имплицитность

В русской дискурс-культуре говорящие могут быть очень откровенны в выражении своих личных мнений или чувств, в то же время сильно полагаясь на общий контекст и нередко вербализуя неявные намеки

в узком кругу коммуникантов. Во французском дискурсе коммуникация, как правило, более рельефна в отношении структуры идей, но предпочитает использовать косвенно-описательные обороты во избежание чрезмерной прямоты в передаче мысли на основе имплицитного механизма так называемой «вежливости сдержанности».

5. Религиозные основы дискурс-культур

Исторически сложившиеся особенности вероисповедания оказывают глубокое влияние на дискурсную культуру: наследие православия в России и католицизма (в сочетании с секуляризмом) во Франции порождают два диаметрально противоположных подхода к коммуникации. В российской коммуникации приоритет отдается эмоциям, поиску всеобъемлющей духовной истины и коллективному началу (соборности), в то время как французский подход основан на картезианской рациональности, республиканском универсализме и искусстве дискуссии. Русский язык, уходящий корнями в православную традицию, поощряет выражение эмоций, поиск нравственной истины и проявление сострадания. В русскоязычном дискурсе концепт «духовность» ценится выше строгой материальной логики. Католическое наследие французов, отмеченное янсенизмом и схоластикой в сочетании с рационализмом Просвещения и секуляризмом, сформировало дискурс, базирующийся на доказательствах, часто формальном разграничении истины и лжи, а также на дискуссиях об идеалистических основаниях построения мысли. Использование языка строго кодифицировано, грамматические правила и точная терминология являются важными социальными маркерами, отражающими стремление к ясности, унаследованное от галликанского католицизма и республиканского универсализма.

Перспективы дальнейших исследований могут быть выстроены вокруг ревизии некоторых позиций концепции интеракциональной этикетности коммуникативного поведения, что отразится в совершенствовании приемов аналитико-интерпретативного подхода в изучении дистантных дискурс-культур. Речь идет о том, чтобы отойти от классических теорий вежливости (таких как теории Брауна и Левинсона), основанных на принципах «сохранения лица» и «избегания конфронтации», и интегрировать понятия надлежащего поведения или управления межличностными отношениями. Для изучения дистантных культур крайне важным станет скорее приращение *эмического подхода* (изнутри культуры), а не универсально-этического, находящегося под влиянием западных аналитических моделей анализа дискурса, чтобы избежать глобалистской предвзятости в интерпретации данных с целью построения непротиворечивой концепции обновленной эпистемологии коммуникации.

Материалы исследования | Research materials

1. ФП – Седых А. П., Марабини А. Фразеология и перевод: французский, итальянский и русский языки: учебно-методическое пособие. Белгород, 2021.
2. BU – Grevisse M. Le Bon Usage. Grammaire française avec des remarques sur la langue française d'aujourd'hui / ed. by J. Duculot. Gembloux (Belgique), 1975.
3. CorpusEye – Корпуса французского языка CorpusEye. <https://corp.hum.sdu.dk/cqp.fr.html>
4. DD – Pruvost J. Le Dico des dictionnaires. P.: JC Lattès, 2014.
5. DDL – Galisson R., Coste D. Dictionnaire de didactique des langues. P.: Hachette, 1976.
6. EUFr – Encyclopædia Universalis France (en ligne). <https://www.universalis.fr/recherche/RH%C3%89TORIQUE/article/1/>
7. FranText – База французских текстов FranText. www.frantext.fr/
8. TLFi – Trésor de la Langue Française informatisé (TLFi). <https://www.atilf.fr/>

Источники | References

1. Веденина Л. Г. Французский язык. Структура, функционирование, культура. М.: Языки славянской культуры, 2020.
2. Гак В. Г. Беседы о французском слове: из сравнительной лексикологии французского и русского языков. М.: URSS Либроком, 2020.
3. Карасик В. И. Языковое древо жизни: монография. М.: Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина, 2025.
4. Седых А. П., Акимова Э. Н., Машкова Л. А. Дискурсная фразировка эмфатического высказывания: французский язык // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2026. Т. 19. № 1. <https://doi.org/10.30853/phil20260015>
5. Стернин И. А. О некоторых особенностях русского общения // Культура общения и ее формирование / ред. И. А. Стернин. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1994. Вып. 1.
6. Стернин И. А. Теоретические и прикладные проблемы языкознания: избранные работы. Воронеж: Истоки, 2008.
7. Якобсон Р. О. Избранные работы. М.: Прогресс, 1985.
8. Cardon D., Granjon F. Médiactivistes. P.: Presses de Sciences Po, 2010.
9. Charaudeau P. Identité linguistique, identité culturelle: une relation paradoxale // Le discours sur les "langues d'Espagne" / ed. C. Lagarde. Presses universitaires de Perpignan, 2009. <http://doi.org/10.4000/books.pupvd.299>
10. Hagège C. Le linguiste et les langues. P.: CNRS, coll. "Les Grandes Voix de la Recherche", 2019.

11. Kerbrat-Orecchioni C. L'Énonciation – De la subjectivité dans le langage. P.: Armand Colin, 1980.
12. Kerbrat-Orecchioni C. Le discours en interaction. P.: Dunod, 2005.
13. Krieg-Planque A. "Formules" et "lieux discursifs": propositions pour l'analyse du discours politique // Semen. Revue de sémio-linguistique des textes et discours. 2006. № 21.
14. Kristeva J. Le Temps sensible. Proust et l'expérience littéraire. P.: Folio Essais, 2000.
15. Pruvost J. Quelques concepts lexicographiques opératoires à promouvoir au seuil du XXIe siècle Jean Pruvost // Éla. Études de linguistique appliquée. 2005. № 137.
16. Puren Ch. De la méthodologie audiovisuelle première génération à la didactique complexe des langues-cultures // Éla. Études de linguistique appliquée. 2002. № 3 (127).
17. Sedykh A. P. Linguistic identity, national archetypes and sociocultural environment of their formation // Research Result. Theoretical and Applied Linguistics. 2021. T. 7. № 3. <https://doi.org/10.18413/2313-8912-2021-7-3-0-2>
18. Wierzbicka A. "Semantic Primitives", fifty years later // Russian Journal of Linguistics. 2021. № 25 (2). <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-2-317-342>

Информация об авторах | Author information

RU**Седых Аркадий Петрович¹**, д. филол. н., проф.**Бузинова Людмила Михайловна²**, д. филол. н., доц.**Акимова Эльвира Николаевна³**, д. филол. н., доц.¹ Московский международный университет;

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

² Московский международный университет³ Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, г. Москва**EN****Arkadiy Petrovich Sedykh¹**, Dr**Lyudmila Mikhailovna Buzinova²**, Dr**Elvira Nikolajevna Akimova³**, Dr¹ Moscow International University;

Belgorod National Research University

² Moscow International University³ Pushkin State Russian Language Institute, Moscow¹ sedykh@bsuedu.ru, ² rluda@mail.ru, ³ akimovaen@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 20.04.2026; опубликовано online (published online): 30.07.2026.

Ключевые слова (keywords): коммуникативная модель поведения; дискурсный маркер культуры; лингвистические универсалии; этнокультурные особенности; communicative behavior model; culture discourse marker; linguistic universals; ethno-cultural features.